

Николай Суворов

ДОТАЦИИ И ПРИВИЛЕГИИ УНИВЕРСИТЕТОВ*

Права на возведение
в ученую степень

В Германии императоры переносили иногда право давать лицензию на т.н. дворцовых графов (пфальцграфов, *comites palatini*), конкурировавших с университетскими канцлерами, или даже сами возводили в ученые степени. Правда, император Сигизмунд выразился однажды, что он в один день может произвести тысячу невежд в рыцари, но и в тысячу лет не может сделать хотя бы одного кого-либо доктором. Но о позднейшем императоре Фридрихе III известно, что, после своего императорского коронования, он многих в Италии возвел в доктора собственною властью. Эней Сильвий (впоследствии папа Пий II) в своей истории Фридриха говорит, что император возвел в доктора в Италии многих, обладавших вместо знания деньгами (*multos doctores Caesar in Italia promovit quibus aurum pro scientia fuit*). Тот же Фридрих в 1463 г., подтверждая привилегии герцогов австрийских и давая им титул эрцгерцогов, в виде увеличения и расширения их прав, предоставил им креировать магистров и докторов императорского (т.е. римского) права, медицины и семи свободных искусств, воздержавшись от включения в сферу эрцгерцогских правомочий возведения в степени по теологии и каноническому праву, очевидно, во избежание конфликта с папой. Франкфуртский канцлер называл себя канцлером в силу апостольского и императорского авторитета. Еще гораздо раньше, король Яков I Арагонский, назначив канцлером леридского университета кафедрального каноника, оговорился, что он делает это с целью почтить церковь и университет, но что отнюдь не следует считать, на этом

* Суворов Н.С. Средневековые университеты. М., 1898. Глава 2. С. 74–106.

Продолжение. Начало: Развитие личности. 2005. № 3. С. 199–206; № 4. С. 188–198; 2006. № 1. С. 197–211; № 2. С. 216–236.

основании, канцлерскую должность церковною должностью. Польский и венгерский короли оставили за собой право назначения канцлера в университеты краковский и фунфкирхенский, а позднее король Владислав, назначая канцлером новоучрежденного бреславского университета местного епископа, мотивировал свое назначение тем, что епископ бреславский есть первый между баронами Силезии. Для Вены и Ингольштадта канцлеры были назначены князьями. А всего интереснее то, что в Падуе сами доктора, по своему свободному решению, предоставили епископу падуанскому утверждение промоций, и лишь позднее папа подтвердил за епископом это право, как он сам говорит, давным-давно существовавшее.

Между церковной
и светской властью

Если, далее, университеты дотировались церковными бенефициями, то что же из этого следует? – спрашивает Кауфман. – Разве вассалы епископов и аббатов, получавшие церковные лены, становились через это клириками? Или разве становились церковными актами те предприятия, на которые князьями тратились церковные доходы? А с другой стороны, разве князья и города не обеспечивали университетов и своими собственными средствами, не назначали жалованья профессорам, не жертвовали домов, земельных участков и проч.? Кельнское духовенство, например, далеко было от воззрения на университет, как на *corpus ecclesiasticum*, когда ему представлялось чем-то в роде секуляризации предоставление кельнскому университету церковных бенефиций. Справедливо, конечно, указывается на то, что из числа корпораций, на которые расчленялся университет, некоторые, несомненно, принадлежали к церкви, например, монастырские или орденские школы, капитулы Св. Духа в Гельдейберге, св. Стефана в Вене, св. Николая в Роштоке и проч., а коллегии и бурсы в университетах имели устройство, скопированное с монастырского, как и разные привилегии университетские были скопированы с тех, под защиту которых ставились права и владения церкви. Но можно лишь сказать, что всем этим создавались тесные связи и многообразные аналогии между университетами с университетскими учреждениями, с одной стороны, и между церковью с ее учреждениями – с другой. Например, в отношении к изъятию от светской подсудности или от налогов члены университета ставились в положение клира, а так как и на самом деле большая часть магистров и школяров была духовного звания, то нетрудно объяснить себе, каким образом университеты могли трактоваться как церковные учреждения, или каким образом школяры, даже и не духовного звания, все огулом, назывались

«клириками» (clerus universitatis), или «полупопами» (Halb-papen, Halbe-Priester), а например, студентский квартал в Вене назывался «поповским городом» (die Pfaffenstadt). Но все-таки и подобные выражения были лишь неточными выражениями, и если сами университеты желали выдавать себя за церковные учреждения, то это делалось обыкновенно с расчетом утилизировать связь свою с церковью, для ограждения ее оружием своей неприкосновенности. Венский университет, например, отказывался долго дать присягу на верность императору, и хотя т.н. rotulus далеко не всегда с аккуратностью доставлялся из Вены в Рим, но при всяких конфликтах университета со светским правительством, когда можно было бояться опасностей и потерь, а также в военное время, когда можно было ожидать давления на духовное сословие со стороны государства, университет демонстративно отправлял «rotulum», желая этим показать, что в папе он имеет могущественного протектора. А с другой стороны, и церкви приходилось утилизировать свою связь с университетами в эпоху великого раскола, или в эпоху разрыва между папой и собором, когда для борющихся церковных сил было далеко не безразлично, за которую из них выскажутся авторитетные ученые корпорации. Вообще разные неточные обороты речи, с которыми может встретиться исследователь по истории средневековых университетов, не имеют никакой доказательной силы ввиду того неотразимого факта, что принадлежность к университету никого не делала духовным лицом, и что университет, хотя признавал над собою власть папы, органам церковной власти в порядке управления не подлежал.

Духовные и миряне
как члены
университетов

Относительно личного состава университетов и относительно костюма нужно сделать еще некоторые дополнительные замечания. В Париже, который служил образцом для большей части германских университетов, богословский факультет составлялся исключительно из духовенства. Факультет декретистов допускал и мирян, но миряне не могли вступать в брак. На факультете искусств не допускались преподаватели монахи, миряне допускались, но только с обязанностью безбрачия. Из факультета медицины исключалось вообще духовенство – и монашествующее, и белое, – но мирянам, составлявшим этот факультет, дано было дозволение вступать в браки не раньше 1452 г., а юристам и артистам брак еще и в XVI в. запрещался (о теологах нечего и говорить). В Гейдельберге первый женатый лицензиат на факультете артистов оказался в 1398 г., но данный субъект объяснил, что у него есть жена, уже после выдержания испытания и по представлении канцлер-

ской лицензии. Лицензия за ним осталась, но с отображением присяги в том, что он никогда не будет присутствовать в совете ни университетском, ни факультетском. В том же Гейдельберге возникло столкновение между курфюрстом и университетом по поводу допущения к профессуре одного женатого медика с предоставлением ему церковной бенефиции, соединенной с профессурой. Курфюрст ходатайствовал об этом пред папой, и папа дал разрешение; но университет сам долгое время сопротивлялся желанию курфюрста, и дело разрешилось таким компромиссом, что профессура, соединенная с церковною бенефицией, должна быть занимаема медиком духовного звания, но наряду с нею создается другая профессура для мирянина, обеспечиваемая из университетских средств. При этом именно случае университет аргументировал, что он есть «*corpus ecclesiasticum*». Стоя на этой точке зрения, гейдельбергский университет доходил до мысли вообще закрыть доступ мирянам, другими словами, духовное звание сделать условием имматрикуляции; но провести подобную идею оказалось невозможным. Для ректора университета во всяком случае и в особенности считалось неприличным быть мирянином, и притом женатым. В Ингольштадте даже в XVI в. ходатайство герцога баварского об уничтожении обычая безбрачия ректора оставлено было папой без удовлетворения.

Необходимость
духовного звания

Духовное звание требовалось от ректора даже и в итальянских университетах, где не только для школяров, но и для профессоров никогда не была обязательно принадлежность к духовному званию. Ко всему сказанному следует, однако, добавить, что недопущение в средневековые университеты женатых имело свою причину не столько в безбрачии духовенства, сколько в утвердившемся академическом обычае воззрения о несовместимости брачного состояния с наукой. Ведь даже и те профессора и школяры, которые принадлежали к духовному званию, в большинстве имели только низшие степени сана (*ordines minores*), не налагающие и по каноническому праву обязанности безбрачия. Против имени одного профессора в венских матрикулах сохранилась пометка «впав в безумие, женился» (*uxorem duxit versus in dementiam*): чем-то не только необычным и экстравагантным, а прямо безумным считалось вступление в брак. Другого ученого, имевшего низшую степень духовного сана и нажившего детей, даже убеждали жениться, но он отделялся таким остроумным рассуждением: «Я имею детей, как свойственно мирянину, но не имею жены, как это подобает духовному лицу». Что касается ректора в особенности, должно добавить, что безбрачие и принад-

лежность его к духовному званию требовались потому, что ректору нужно было держать суд над членами университета, большинство которого было из духовного звания, а мирянин был бы некомпетентен судить духовных магистров и школяров. Но и для ректора достаточно было иметь низшую степень духовного сана, которая, сама по себе, как сказано, не обязывает к целибату; монаха же строжайше воспрещалось выбирать в ректоры.

Костюм членов
университета

О костюме членов университета нужно сказать, что он не был специфически-духовным или клерикальным костюмом: это был именно особый школьный костюм (*vestitus scholasticus*, а не *vestitus clericalis*) – длинный сюртук-подряник без разрезов, сдерживавшийся на теле поясом, и длинный плащ с прикреплявшейся к нему шапкой в роде башлыка, все это обыкновенно темного или серого цвета. Во Франции университетское официальное одеяние – красное, отороченное мехом – скорее походило даже на одеяние магистратуры, чем на костюм духовенства. Из борьбы, на которую указывают университетские статуты Германии, против разных уклонений школяров от установленного костюма, справедливо заключают, что члены университета были далеки от скромного духовного одеяния, они позволяли себе даже не совсем понятные для нас экстравагантности: не говоря о ношении оружия, о сапогах с длиннейшими носами, о разрезах на платье, открывающих тело; статуты воюют с роскошными брызгами на шее, нагрудниками, с корсетами, с панталонами разных цветов для каждой ноги и т.п.

Духовные и миряне
в университетах

В германских университетах, явившихся позднее сравнительно с другими западноевропейскими университетами, более отчетливо проведено начало, что в состав университета нужно различать духовных от мирян, не подгоняя всех членов университета без разбора под одну точку зрения. Однако и в германских университетах наблюдается немало разностей. О Праге было сказано выше. В Вене, как и в Праге, университету предоставлено было право осуществлять всякую юрисдикцию над своими членами, в том числе и над духовными, с отлучением от церкви включительно. При учреждении гейдельбергского университета курфюрст баварский Рупрехт I определил, что духовный член университета судится по всяким делам епископом вормским, которому предоставлено держать в Гейдельберге своего чиновника и устроить тюрьму, а мирянин должен подлежать суду фогта и шультгейсса, которые ежегодно дают присягу пред ректором или его представителями в том, что будут беспристрастно применять законы. В ви-

дах лучшего обеспечения в своей территории твердой и скорой юстиции, курфюрст выразил, кроме того, желание, чтобы оба судьи – и духовный, и светский – были связаны определенными инструкциями, чтобы мало-важные случаи разрешались ректором, чтобы аресты не производились без вины и без достаточного основания, чтобы арестованный по маловажному подозрению освобождался под условием обеспечения явки в суд, а арестованный по тяжкому подозрению содержался в приличном заключении без всякого насилия и проч. Однако и в Гейдельберге на самом деле епископ стал переносить свои полномочия на ректора, с тем чтобы в более важных случаях не один он решал дела, а академический сенат. В большей же части германских университетов принят был принцип, что члены университета, виновные в тяжких преступлениях, тем самым теряют привилегии университета и, смотря по их званию, выдаются или ординарному духовному судье (обыкновенно епископскому официалу), или ординарному светскому судье, и что, с другой стороны, в академическую юрисдикцию входят, кроме собственно дисциплинарных дел, гражданские дела и дела по обидам. Например, в Кельне все иски между студентами и магистрами подлежали суду ректора, иски граждан против членов университета – тому же суду, иски студентов к гражданам – городскому совету. Многие детали были регулированы путем взаимных соглашений между городом и университетом, причем незаметно никакого влияния епископа на это регулирование, или даже никакого участия в нем. В Базеле город, за исключением дел, подлежащих суду духовному, предоставил ректору полную юрисдикцию, но с выдачей преступников городскому совету для наказания, причем все-таки привилегии университетские сказывались в том, что пытки не могли иметь места без согласия и без присутствия ректора. Кроме того, город регулировал производство дел по взаимным искам гражданами и членами университета по принципу: истец следует подсудности ответчика. Подобное же – в Рощтоке, а в Ингольштадте существовал порядок, сходный с гейдельбергским.

Консерваторы

Существовали в германских университетах и консерваторы с известной юрисдикцией, в силу которой они привлекали к ответу противников и нарушителей привилегий университета. Консерваторами обыкновенно назначались епископы; в таких случаях нужно было различать в лице епископа юрисдикцию, основанную на особом поручении, от юрисдикции его как ординарного духовного судьи. Бывало, что консерваторами назначались и другие прелаты, как пробст; на-

пример, когда в 1477 г. князья и бароны, не обращая внимания на университетские привилегии, стали грабить имения ингольштадтского университета, папа дал ему, по его просьбе, двух консерваторов – епископа аугсбургского и эйхштадтского пробста с полномочием отлучать от церкви и призывать на помощь светское оружие. Иногда миссия консерватора сливалась с должностью канцлера в одном лице, а случалось, что и высокопоставленный мирянин назначался консерватором (например, в Вене). Кроме консерватора, могли быть еще субконсерваторы, как делегаты второго порядка, действующие по уполномочию не от папы, а от консерватора, точно так же как при канцлере могли быть вице-канцлеры или при ректоре вице-ректоры. Судебной привилегией университеты вообще дорожили не менее, чем духовенство в Средние века дорожило своею исключительно духовной подсудностью: в эпоху насилия и бесправия она придавала университету известную твердость и самостоятельность, не говоря о том, что избавляла членов университета от неудобства варварского процесса, соединенного с поединком, испытанием водою, железом и т.п.

Жилищные льготы

Члены университета пользовались далее разными льготами по найму помещений и квартир; всего чаще квартирный вопрос разрешался смешанными комиссиями из членов университета и из горожан, примеры чего приведены были в первой главе. И в Германии, пока и насколько вопрос этот не разрешался устройством общежитий (коллегий, бурс и т.п.), делалось нечто подобное. Например, в Гейдельберге, по предписанию курфюрста, должна была действовать квартирная комиссия из одного члена университета и из пользующегося доверием и уважением гражданина, в случае разделения голосов усиливаемая еще третьим экспертом. Комиссия должна была ежегодно составляться на праздниках Рождества Христова и, по тщательном исследовании, назначать цену квартир. Всем, сдающим в наем свои помещения, вменено в обязанность беспрекословно подчиняться решениям комиссии, и, наоборот, каждому члену университета предоставлено занимать любое помещение за установленную цену; если бы ему довелось сделать затраты в видах улучшения помещения, то на этот случай ему предоставлено право соответственного вычета из наемной платы.

Освобождение от повинностей

Затем члены университета освобождались от повинностей – воинской, постоянной, сторожевой или караульной, от податей и налогов, от дорожных и таможенных пошлин. Иногда профессорам давалось право

беспощинного импорта чужеземных напитков, или случилось, что самим профессорам разрешалась безакцизная продажа вина от Пасхи до Пятидесятницы, а в Гейдельберге курфюрст, в видах привлечения дам к поступлению в высшую школу, дозволил им, в случае если они владеют большими запасами вина, сколько для них самих требуется, продавать в год раз (после Пасхи) от одной до двух бочек беспощинно. Встречаются еще в числе университетских привилегий: право охоты, право устроения и сдачи в аренду аптек, даже винных погребов и пивных. Гораздо большее – и принципиальное, и житейское – значение имели привилегии, которые первоначально приобрела для себя болонская коллегия докторов-юристов (не университет) и которые позднее стали предоставляться и германским университетам. Болонская юридическая коллегия из римского права вывела приравнение юристов к всадникам-рыцарям и даже право возводить в рыцарское достоинство; коллегия узаконила незаконнорожденных детей, несовершеннолетним давала т.н. дозволение возраста (*veniam aetatis*), т.е. признавала их лицами вполне дееспособными, могущими действовать наравне с совершеннолетними. Позднее и германским университетам императоры давали подобные чрезвычайные привилегии (т.н. *Comitiva Caesarea*): узаконить незаконных детей, восстанавливать гражданскую честь, давать *veniam aetatis*, определять и отрешать опекунов и попечителей, определять в должность нотариуса и возводить в звание увенчанного поэта (*poeta laureatus*). Что касается последней привилегии в особенности, то обычай увенчания поэтов лавровым венком явился в Италии и корнями своими уходит во времена древней римской империи. В Германии *poetae laureati* возводились сначала в свое звание самими императорами, потом их уполномоченными пфальцграфами, с половины XV в. университетами. С лавровым венком, которым увенчанный поэт мог украшать себя во всяком месте, даже в присутствии императорских величеств, связывалось не почетное достоинство только, а и право – на пространстве всей римско-германской империи и в любой ее школе – выступать в качестве учителя поэтического искусства и через то делаться причастным всех прав академических профессоров.

(Продолжение следует)

